

ЛИЗА ШМИДТ

18+

The illustration features a central figure from behind, wearing a dark hat with a white fur trim and a long, textured brown cape. The figure is surrounded by a dense field of yellow envelopes, some of which are open, and a pattern of small yellow stars. The overall color palette is dark with yellow and brown accents.

**ЗА
БЕЗДНОЙ
БЕЗДНА**

Лиза Шмидт
За бездной бездна

«Издательские решения»

Шмидт Л.

За бездной бездна / Л. Шмидт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983394-5

Удивительное везение — встретить нужного человека в нужное время, когда не хватает поддержки и человеческого тепла. Старушка и молодой человек. Что может их связывать? Она потеряна в прошлом, он боится потеряться в будущем. У каждого из них есть своя история. Оба ни разу ею не делились. Поможет ли им знакомство выпутаться из воспоминаний, переживаний и двух разных одиночеств: из одиночества старости и одиночества юности?

ISBN 978-5-44-983394-5

© Шмидт Л.
© Издательские решения

Содержание

Марина	6
Данил	7
Марина	8
Данил	9
Марина	10
Данил	11
Марина	12
Данил	13
Марина	14
Данил	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

За бездной бездна

Лиза Шмидт

© Лиза Шмидт, 2020

ISBN 978-5-4498-3394-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марина

Он приходит сюда, тихий и подавленный, как ангел, спустившийся с небес. Ступает тихо, и когда увидишь его, обернувшись, обязательно испугаешься.

Растянутая безразмерная толстовка, молодежные зауженные джинсы, которые подчеркивают худобу. В солнечных лучах вьется сигаретный дым.

Он закладывает листьями книги, которые читает. Закладывает исписанные тетради колосями травы. Что он там пишет? Через плечо не разобрать. Какие-то списки? Номера?

Курит сигареты, пьет кофе в кофейне на углу. Этот ужасный кислый кофе. Что-то шепчет бариста Каролине на ушко, будто они старые знакомые. Никак не расслышать.

По утрам он проходит этой улицей. Кеды в пыли. Щурится словно кот. Стреляет сигареты.

Таких называют молодыми и глупыми.

Таких легко обмануть.

Такие многое принимают на веру.

Я окликаю его:

– Данил!

Он оборачивается:

– Здравствуйте, Марина, – и пытается улыбнуться, но у него не выходит, хотя он очень старается.

Он из тех молодых людей, что, не глядя, могут собрать кубик Рубика, но о жизни не знают ничего.

Данил

Не давая ни малейшей надежды на встречу, она появляется обычно как бы невзначай среди легких весенних деревьев на углу, поправляет свою вечную шляпку родом из шестидесятых. И сама легкая, с легкими волнами коротких белоснежных кудрей, в бордовом плаще, с брошью под горлом и в совершенно нелепых ботинках, похожих на калоши. Озирается, будто ищет что-то, и уверенно переходит улицу на красный сигнал светофора. Утренняя улица с воркующими голубями на парапетах, тихая, дремотная. Светофор сонно моргает, солнце ленно вскарабкивается на крыши.

Кофейня в утренней густой тени.

Мое утро – это кофе.

На дне чашки отвратительного эспрессо – кофейная гуща.

Если спросить у бариста Павла (да, вот у этого большого широкоплечего парня с бородой, которая вызывает зависть), он обязательно расскажет, что означают те или иные фигуры, он очень суеверен.

На дне чашки стая птиц. Вверх дном. Оставить чашку перевернутой и уйти из густой кофейной мглы в густые утренние тени. Не слушать ничего про дурные предзнаменования.

Догнать Марину, коснуться ее локтя, услышать:

– Доброе утро, дружок. Как поживаешь?

Словно коснулся крыла.

И мир в одну секунду перевернется с ног на голову. Картинная галерея? Багетная мастерская? Квартира, в которой частники торгуют каким-то невероятным количеством оттенков синей масляной краски? Возможность оценить частную коллекцию штифтов? Мастерские художников в богом забытых мансардах? Союз художников на каких-то далеких линиях Васьки?

С легкостью и простотой входить в чужие дома, жизни, соглашаться на золотой утренний чай, сидеть под форточками на свежем раннем сквозняке. Садиться за стол со стороны окна, чтобы удобней было курить.

А потом прощаться с ней на углах улиц по часу, а то и по два, докуривать сигареты, чтобы вечером, под ледяным пронизывающим дождем выбежать за новой пачкой до лавки на углу и на диких попутках уехать в другой конец города и пить ром, бесконечно много рома, проснуться в незнакомом месте и потеряться там, где не желаешь знать ни своего имени, ни своего места. И остановиться напротив комнаты с открытым окном, за которым в незабываемом блеске карнизов плывет новое утро, и голуби славят его, и воробьи, и скворцы, и синицы, весь этот разноголосый утренний птичий хор.

Открытое окно, колышущаяся занавеска, опустевшая сигаретная пачка.

И кажется, что я ненастоящий, а настоящее там, за окном. Настоящее острие шпилья, словно иголка Марины. Блестит золотом, только через ушко надо протянуть молочно-белую нить, и Марина обязательно сделает несколько новых облачных рядов в вышивке болгарским крестом.

Марина

Они приходили во снах. Они не давали мне спать по ночам. Что мне еще оставалось? Ночь, все стадии стареющей луны, отекавшие веки, редкие ресницы.

Они являлись каждую ночь. Стоило только закрыть глаза, они появлялись и не уходили. Стояли в изголовье. Молчали. Всегда молчали. Не слышала от них ни единого слова.

От них было несколько средств:

1) зажженный свет (отблеск в окне, танцующие ночные бабочки у плафона);

2) музыка (под музыку военных лет они, сурово молчаливые калеки, выходили полутенями в центр комнаты, под самый абажур, и, поклонившись, начинали двигаться в такт, иногда танцевали парами, поддерживая друг друга, изувеченные, немощные, несчастные);

3) слезы (отойти к окну, смотреть сквозь свое отражение в непроглядную ночь, во тьму, во мрак, в прошлое, на свою ложь, отойти и беззвучно плакать, как могут только молодые девушки, – но это сложно, надо уметь, уметь! – иначе мои несчастные не оставят меня ни на минуту).

Я в смятении выходила на улицу. Часами плутала по городу. До боли в ногах. До изнеможения. Они преследовали меня, сколько могли, но скоро отставали.

Как я выглядела со стороны в два, в три часа ночи? Малюсенькая старушенция со своим ридикюлем, в вязаной светлой накидке, бредущая меж деревьев сквера, где деревья – мои ровесники, под темными арками домов, где шаги звучат пугающим эхом прошлого. Будто сама чей-то призрак из прошлого и сама не даю кому-нибудь спать. Преследую воспоминанием, фотокарточкой, строчкой из письма, той самой, что оказалась на сгибе и затерлась.

Я слышала разговоры о мертвых. О них любили говорить ночами. Разговоры о потерянных мужьях, женах, родителях, детях. О братьях и сестрах, о друзьях. О домашних питомцах.

Мои мертвые грузом лежали у меня на сердце. Будто там они и похоронены. Будто мне одной – одной мне! – было дозволено помнить о них, любить их, думать о них. Но не воскрешая их в воспоминаниях, как принято, нет. Наоборот, делая их еще более мертвыми, несуществующими и потому любимыми. Так любят книжных героев, так любят героев полотен великих мастеров, героев кинофильмов.

Самое страшное слово – никогда.

Ничего и никогда.

Может ли быть что-то страшнее?

Моя ложь. Моя любовь. Моя привязанность. Я сама. Я хуже, чем никогда. Глубже, темнее. Бездонный колодец, в который падают звезды. Если бросить в него камень – ждать всплеска бесполезно: там нет дна.

Кроме этой черной дыры, во мне не было ничего.

Выпотрошенная старуха. Пустая оболочка. Куколка от бабочки. Старый безобразный кокон.

Данил

Я не знаю, что делаю со своей жизнью. Я не знаю, зачем.

Мне хочется что-то сломать, разрушить, но я не хочу причинять никому вреда, посему медитативно, уверенно и безостановочно греблю свою жизнь. Я не вижу в ней смысла.

Смысл – это больше по части Марины.

Марина

Ночь была ветреная, холодная, шальная. Хотелось завернуться в одеяло, хотелось попить горячего, хотелось простого человеческого тепла. Зашла в соседнюю кофейню купить кофе. Залы были пусты, сонный бариста Павел, все руки в татуировках, как это у них модно, серьга в ухе, борода, как всегда, был со мною приветлив. С ним – тонкая девочка с выдуманным ненастоящим именем Каролина, в свитере-балахоне и огромных ботинках. Растрепанное каре, усталые глаза. От нее пахло сигаретами, она была чем-то расстроена, но не говорила. Не ее смена, но сидела здесь, читала книжку.

На выходе – группа плотных грубых ребят. Сначала говорили, потом затеяли драку. А среди них – в самом центре – мальчик. Совсем хрупкий юноша, растрепанный, тонкий, светловолосый. Будто ангел сошел с небес. Будто ангел.

Они били его тяжелыми ботинками. Пинали, он сплевывал кровь. Они удивились, когда перед ними появилась я. Злая, с зонтом-тростью, закричала, дунул ветер, зонт раскрылся с хлопком, они переглядывались, они переговаривались. Они плюнули на нас. Ушли своей дорогой.

Их могла напугать только я, я, мой ночной призрак в бледных одеждах.

Мое страшное лицо.

Моя пустота.

Земельная глубина. Могильный распад. Старость и боль.

Знание.

Они испугались не только меня, но и – в моих глазах – себя.

Они ушли.

А я осталась. Никак не могла справиться с зонтом на ветру. Он хлопал как огромная подбитая птица крылом. Мальчик лежал на асфальте недвижно, без сознания. Лицо разбито. Я приладила его волосы, они были в крови. Моя ладонь в крови, я подумала: господи, как знакомо. Кровь залегла в линиях сердца, головы, жизни. Нащупала пульс. Тоненькие запястья. Целы ли? Вызвала скорую. Ждала. Из кофейни выбежал Павел – очень вовремя, да; здоровенный Павел многого боялся, как школьник, – поднял мальчика, словно пушинку, и отнес к себе. Помог правильно положить его, укрыл пледом. Каролина салфетками вытирала кровь с его лица. Хмурила черные брови, кусала губы. И мы ждали, бесконечно долго ждали.

Я слышала только, как камень, летящий в колодезь, достиг дна.

Дно было полно звезд.

Данил

Я не разделяю ночи и дни. Они неотличимы. Особенно весной.

Разве что запахом. Ночь имеет свой особый запах. Асфальтная пыль, прибитая дождем, ветер с реки, молодая листва тополей. Открытые двери цветочных магазинов на проспекте. Запах пьянит. Мокрая земля, гниение и цветение.

Единственное время в году. Когда природа откровенно пахнет жизнью и смертью.

Я выхожу на улицу.

Я выхожу из зоны комфорта.

Я ломаю личное пространство разговорами с посторонними людьми.

Я брезгую прикосновениями незнакомцев, когда они случайно касаются моей руки, стреляя сигареты, когда кладут руку на плечо, рассказывая о себе, когда задевают случайно в узких проходах супермаркетов и в метро.

Я прихожу к незнакомым людям, чтобы выслушать их. Чтобы слушать их истории и записывать огрызком карандаша в тетрадях и блокнотах. Если вкратце описывать мою жизнь, то это: разговоры с неспящими, чертоги метро, чужие подъезды, чужие кухни, зыбкий уют, сквозняки, огоньки сигарет, коньки крыш, промокшие кеды, звездное небо после дождя, свист отбывающих ночных поездов и вскипающих чайников, шелест листвы мокрых деревьев в темных дворах. Я могу не спать по несколько суток кряду. Мне не удастся уснуть, пока я не устану. Покрасневшие от бессонницы глаза, сутулость и худоба, в ночных супермаркетах меня принимают за торчка.

Иногда я пытаюсь спать в обычном режиме, но у меня не выходит. Снятся кошмары. День за днем. Раз от раза все страшнее. Они пугают совмещением простого и сложного, обыденного и страшного, реального и нереального. Я хочу, чтобы мне не снились сны. Я устаю от них.

Я хочу научиться забывать. Забывать боль, забывать любовь. Я хочу жить в настоящем, а потом забыть и о нем. Я хочу научиться забывать, я не умею.

Когда я оказываюсь в темноте, я погружаюсь в свои мысли. Они ведут меня по улицам, словно вереницы фонарей.

Свет фонаря – и я с вами.

Промежуток темноты – и я глубоко в себе, в ночи, в провале меж земных пластов.

Я – смутный силуэт, ночной прохожий. Вот на углу проспекта просил прикурить, опять забыл зажигалку, это какое-то наваждение. А мне говорили, уже говорили, что, в сущности, я выгляжу как педик. Если выглядишь как педик, надо знать, у кого можно просить прикурить, а у кого – нет.

В эту ночь я попросил прикурить не у тех, поэтому я лежал в весенней пыли, слышал басистые раскаты смеха, чувствовал удары тяжелыми подошвами ботинок. Удар, еще удар. В пах, в живот. От следующего я теряю сознание. И больше ничего не вижу.

Когда я очнулся, почувствовал соленый привкус во рту и боль по всему телу. Увидел яркий солнечный свет, какой бывает только утром, единственное, что заставляет жить дальше.

Солнечный свет, легкие пылинки в утреннем луче, голоса птиц за окном и запах весны из растворенной фрамуги.

И у кровати – маленькая старушка с ридикиюлем на коленях. Волосы белые, как снег. Как лепестки яблоневых цветов.

– Ах, молодой человек, вы пришли в себя! Лежите, не смейте вставать, – и в сторону двери: – Сестра! Сестра, он очнулся! – она торопилась сообщить и как-то слишком скоро для пожилого человека исчезла за белыми дверями. Складка на спине ее пальто была заложена как крылья мотылька. Или, может быть, ангела...

Так я впервые увидел Марину.

Марина

Когда его выписали, весна взяла верх, установилась окончательно, высушила город, пустила острые кончики первоцветов на клумбах, выпустила в небо птиц.

Он встречается меня у дверей парадной. Он улыбается натянуто и скованно. Извиняется и просит разрешения закурить.

Идет медленно и смотрит в небо. Благодарит меня, который раз благодарит, бедный мальчик. Хочет чем-нибудь меня угостить.

Мы заходим в кофейню – странная парочка. Я легко могу сойти за его бабушку. Смена Павла – он машет нам из-за стойки, а потом сам подходит к нашему столу, чтобы узнать, как дела.

У Данила еще не зажила губа, и ему больно улыбаться.

Отек на правом запястье исчез. Левое аккуратно перевязано эластичным бинтом.

Ребра почти не болят.

Он сообщает нам об этом, пока мы пьем жуткий кофе, который Павел попытался сдобрить сливками, сиропами и корицей.

Мы говорим.

Пока во рту оседает горечь.

Пока горечь оседает где-то внутри.

Почему после выписки его никто не встретил? Почему он был один тогда? Почему он один сейчас? Почему никто не заходил к нему? Он всегда один, и это тревожит меня, потому что это я, я всегда должна быть одна. За мою старость, за мою молодость, за птичий щебет юности.

Мы говорили обо всем на свете так, будто знакомы всю жизнь. Он ни словом не обмолвился о себе. Мы говорили и смеялись, говорили и шутливо спорили. Как старые приятели. Как бабушка и внук. Но и я ни слова не говорила о себе. Хотя все пожилые люди падки на разговоры о прошлом: молодой собеседник словно ключ, открывающий старую конторку памяти. Сквозь пыль и паутину можно рассмотреть прошлое старика: черно-белые фотоснимки, соседская собака, солнечные зайчики, лодочное весло, улыбка.

Он говорит, что часто слушает истории. Я говорю: да. Он говорит, что люди рассказывают ему истории. Я говорю: хорошо. Он говорит, что с ним это случается достаточно часто. Стоит дать кому-нибудь прикурить – и у тебя есть его история. Короткая ли, длинная ли.

Я понимаю, на что он надеется. Я не хочу рассказывать. Мне слишком много пришлось рассказывать раньше. Запас лжи иссяк, теперь я могу говорить только правду. Интересно, насколько приукрашены те истории, которые ему удается услышать.

Моя правда о моей лжи. Не думаю, что я готова ее рассказать.

Он отпивает кофе и морщится от горечи и боли. Улыбается еле-еле. Уголком рта.

Почему его такого с этой доброй ухмылкой никто не встретил? Мне хочется найти и отчитать его родственников, друзей, девушек. Мне хочется, чтобы кто-нибудь увидел эту его грустную улыбку.

Данил

Запах масляной краски, матовый блеск жемчужных бус, кружочки фланели на ножках стула, чтоб стул не царапал паркета. В таких квартирах хочется надеть тапочки, но она просит не разуваться и – как можно! – пройти прямо по ковру.

Она рисует натюрморты с птицами и старинными вещами. С искаленным фарфором, застывшими стрелками часов, засушенными букетами. В ее кладовке вместо пресловутого стариковского хлама – стеллажи с холстами, ожидающими своей очереди на багет.

Она замирает в дверном проеме, и солнечный свет касается кисточек ее шали, окружает ее седые волосы золотым ореолом. Отблеск на прутьях птичьих клеток. Звон колокольчика. Мягкий стук птичьих лапок.

Ее птицы ручные. Ее канарейки, ее ткачики. Садятся к ней на ладони. Так легко, будто человеческого сердца в ней нет, будто в ней сердцевина, большое древесное сердце. Щегол засыпает у нее на груди. Будто она вся – сердце насквозь.

Пыль оседает в солнечных лучах легкими золотистыми точками. Точки кружатся и ложатся на пол, на стол, на узорчатые ковры.

Я готов слушать.

Я вижу в ее глазах сотни историй, но она молчит.

Это ее подчеркнутое настоящее, пугающее и удивительное. Ее мундштук, ее любимая кофейня, ее электронная почта. Она ломает мои стереотипы о вредных старухах в очередях.

Но она не здесь, она глубоко внутри, она живет в другое время. Она помнит его день за днем. Она бережет свою память, боится растерять, рассыпать. Хранит все до мелочей и боится рассказать. Будто слова станут птицами. Будто они улетят навсегда, сорвутся с кончика языка и исчезнут. Она ими дорожит.

Этот ее порванный чулок, который расстроил ее как никогда, эта ее веточка сирени и птицы на ладони – я запомню ее как есть.

Марина

Сколько бы ни пробовала, сколько бы ни жила, тянет в прошлое неотвратно.

Ледяной холод былого, золотистый поток воспоминаний, вернуть которые невозможно. Все сочетается: нет света без тьмы и тьмы без света. Солнечные зайчики пыльных весенних стекол госпиталя, смешная растрепанная стрижка по плечи, точь-в-точь как у Каролины, мамино платье. Руки в крови, вокруг смрад, гной, запекшаяся кровь на бинтах. И теплыми вечерами под ледяной струей воды руки отмыть невозможно. Мыло, щетка, запах смерти. Кровь под ногтями, и кажется, что эти грязные лунки – почти что смерть. Так страшно было каждый день хоронить этих натянуто веселых, неодолимо грустных людей, это пушечное мясо.

И никто другой, кроме меня, не читал солдатам писем.

Я не хочу говорить об этом.

Я не могу признаться.

Я не могу забыть. И самое страшное: я не хочу забывать. О своей молодости и глупости, о своей легкомысленности и безответственности. Неужели это была я? Да, я. Та я, которой почти не осталось.

Данил

В буковом кресле с вытертыми от времени ручками я чувствую себя особой королевских кровей.

Она который раз пригласила меня зайти. Она подносит мне чай. К моему приходу купила пирожных, смешно и мило, будто я совсем еще мальчишка. Наверное, это я должен был что-то ей принести, но в который раз не сообразил, даже стыдно.

От старости у нее трясутся руки. И чашка дрожит на блюдечке, и крохотная серебряная ложка отбивает мелкую дробь. В комнату заглядывает солнце. Освещает царство пыли и увядших цветочных букетов, мир сухих роз и потрепанных книжных корешков, мир склеенных по линии слома сервизов и заварочных чайников с обколотыми носиками, мир масляных красок и мастихинов.

Ее ладони морщинисты и узловаты, теплы и пахнут домашним хлебом. Ее волосы седые, подобраны шпильками, невидимками. Она суха, держит спину прямо. Когда она опускает глаза к полу, можно увидеть ее большие тяжелые веки с поредевшей гребенкой ресниц. В ней есть что-то от милой девушки, которой она когда-то была. Может быть, изредка вспыхивающий румянец? Что-то от маленькой девочки. Бойкий взор, любопытство во взгляде, робкая улыбка.

Она усаживает меня лицом к солнцу – так ей проще будет меня рассмотреть.

Ее зрачки сужаются до маленькой точки, и она говорит:

– Точь-в-точь Рыжик.

Я улыбаюсь ей, смеюсь, рассказываю, что меня иногда сравнивают с котом. Но Рыжик оказывается не котом, а младшим братом, который погиб во время артобстрела. NB! Надо записать эту историю в тетрадь. Рыжик нес мамину любимую вазу, очень хотел ее спасти, чтобы мама обрадовалась по возвращении домой. Рыжик упал на землю, он был весь в крови, ваза разлетелась на мелкие кусочки. Марина стояла рядом с ним на коленях. Платье в грязи, лицо в слезах. Сердце Марины могло также, на осколки, разбиться – не соберешь. Оно залегло где-то в глубине грудной клетки и угрожающе громко билось.

Самый большой осколок вазы она принесла домой. На нем была запекшаяся кровь Рыжика. Она не знала, что сказать матери. У нее не было слов. Слова будто вывели, вытравили сильным химикатом. Она пришла, когда дома уже не стало. Черные обломки, синее небо с безупречными облаками. Мать, обнимающая остатки перил и беззвучно рыдающая. Платье перепачкано в земле, лицо в саже. Марина не слышала ни звука. Сначала даже подумала, будто ее оглушило.

Это было первое, что она рассказала. Я смотрел в ее глаза и понимал, что это начало.

Она говорила, что это было ее первое наказание за юношескую дерзость, за девчоночью глупость, за слишком многое, взятое ею на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.